

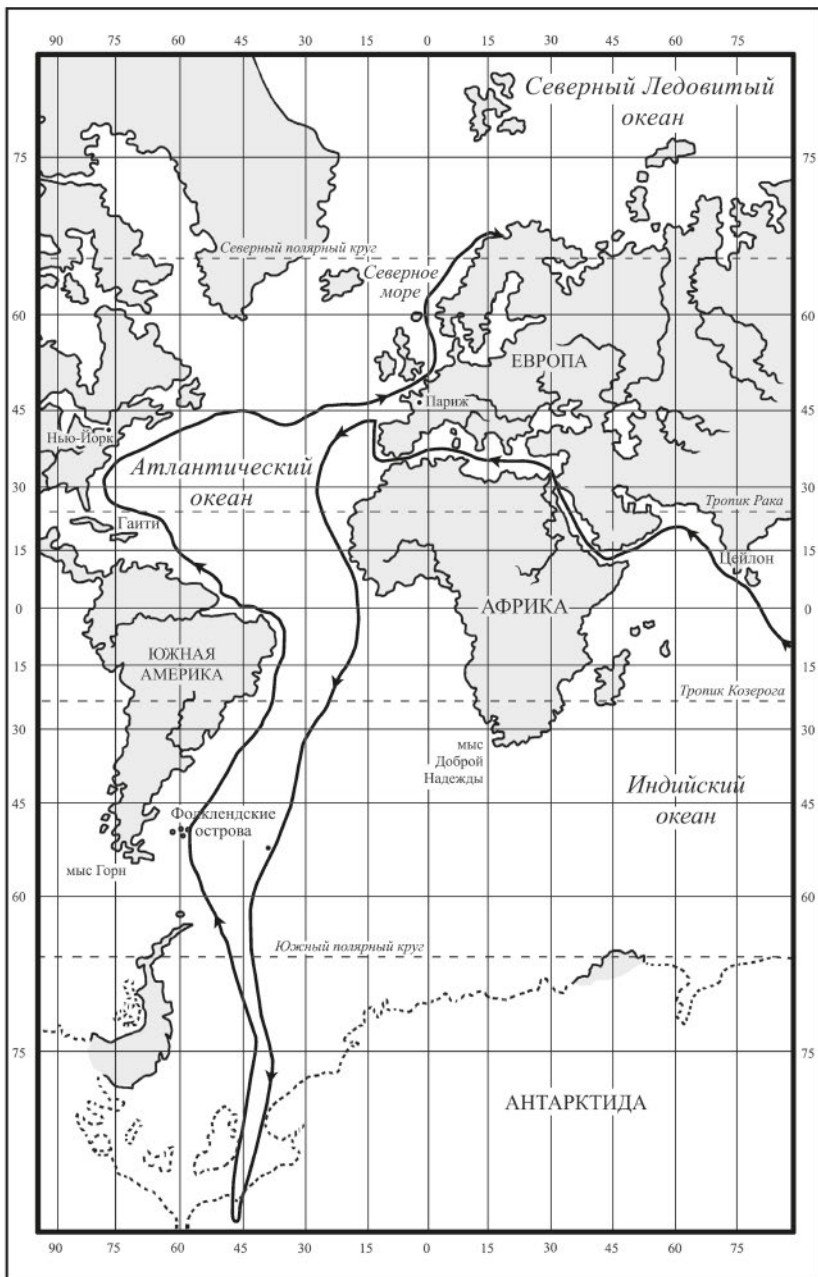
Жюль
Верн

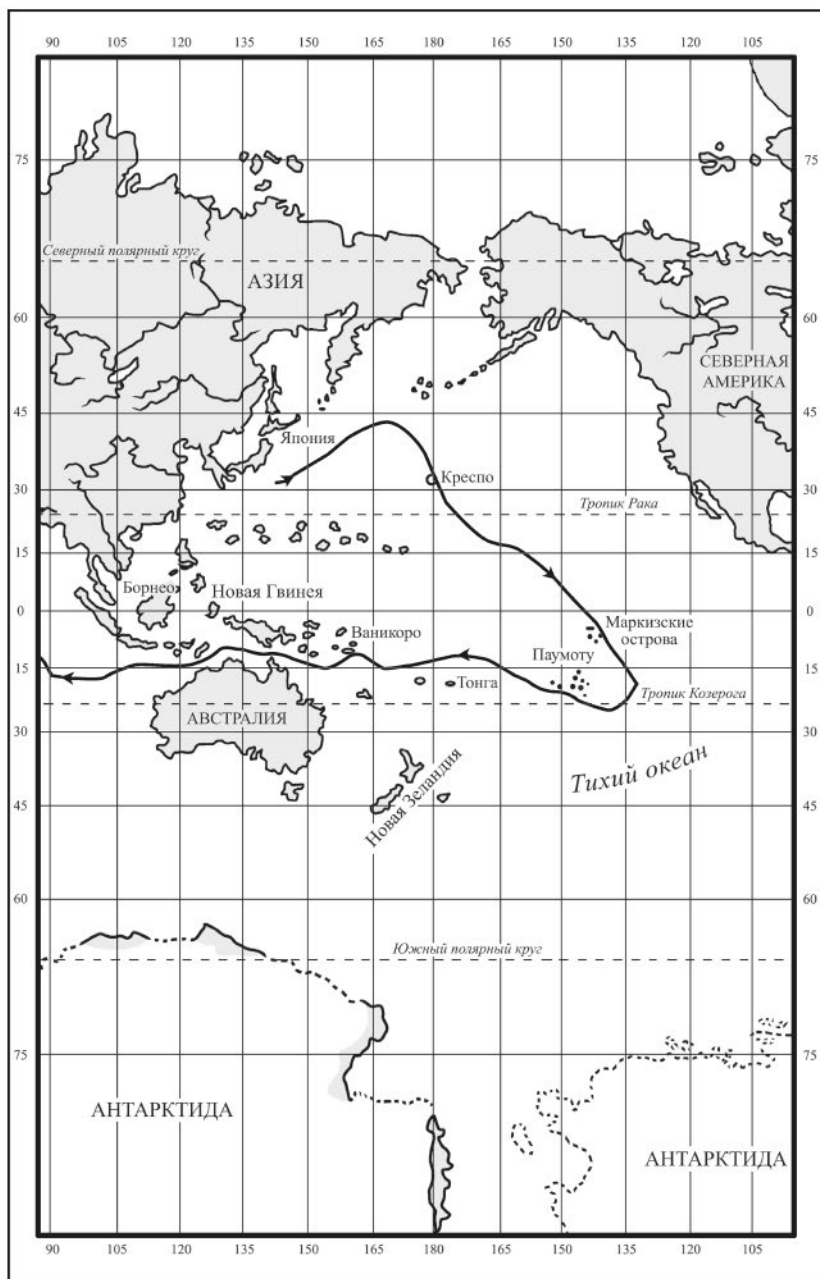
ДВАДЦАТЬ ТЫСЯЧ ЛЬЕ
ПОД ВОДОЙ

ИЛЛЮСТРАЦИИ
ЗДЕНЕКА БУРИАНА

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

Глава I

ПЛАВУЧИЙ РИФ

Год 1866-й был отмечен странным, необъяснимым событием, и это событие памятно каждому. Не говоря уже о тревоге, охватившей жителей портовых городов, о возбуждении умов на континенте, оно сильно встревожило моряков. Негоцианты, хозяева судов, шкиперы, как в Европе, так и в Америке, офицеры военных флотов всех стран и даже правительства различных государств обоих полушарий — все были заинтересованы в высшей степени.

Дело в том, что с некоторого времени многие корабли встречали в открытом море какой-то огромный, длинный, веретенообразный предмет, временами фосфоресцирующий и несравненно больший по объему и быстрее движущийся, нежели кит.

Описания этого явления, занесенные в корабельные журналы, достаточно согласовались относительно строения загадочного предмета или существа, необычайной скорости его движений, огромной двигательной силы и той особенной жизненности, которой он, по-видимому, обладал.

Если это был кит, то он своим объемом значительно превосходил любое классифицированное наукой животное. Ни Кювье, ни Ласепед, ни Дюмериль, ни Катрфаж не подозревали о существовании подобного животного, не говоря уже о том, что они никогда его не видели.

Придерживаясь средних размеров, определенных в разное время и различными наблюдениями, отбрасывая данные как слишком скромные, определявшие длину этого предмета

в двести футов¹, так и значительно преувеличенные — доводившие длину до одной мили и даже до трех миль, надо, во всяком случае, признать, что это животное — феномен; если оно действительно существует, то своей величиной оно значительно превосходит размеры, установленные ихтиологами для морских существ.

Тем не менее оно существовало. Сам по себе факт этот не подлежит сомнению, и при склонности человеческого ума ко всему чудесному можно себе представить ту сенсацию, которую произвело во всем мире это сверхъестественное явление.

Отбрасывая неправдоподобные рассказы, можно сообщить только следующее.

Прежде всего, 20 июля 1866 года пароход «Гавернор-Хиггинсон», принадлежавший Калькуттскому обществу пароходства, встретил эту двигающуюся массу в пяти милях к востоку от берегов Австралии. В первую минуту капитану Бакеру показалось, что он видит перед собой неизвестную скалу. Он собрался уже точно определить ее местоположение, как вдруг два водяных столба, выброшенных этим загадочным предметом, поднялись со свистом в воздух на высоту в сто пятьдесят футов. Можно было предположить, что скала подвержена периодическим извержениям гейзеров или что «Гавернор-Хиггинсон» имел дело с каким-либо морским млекопитающим, до сих пор неизвестным, которое через свои носовые отверстия выбросило водяные струи, смешанные с паром и воздухом.

То же самое наблюдалось в том же году, 23 июля, в водах Тихого океана с парохода «Кристовал-Колон», принадлежавшего Вест-Индскому тихоокеанскому обществу пароходства. Таким образом, оказывалось, что этот кит мог перемещаться с изумительной быстротой, так как за три дня он должен был пройти интервал, отделявший «Гавернор-Хиггинсон» и «Кристовал-Колон», — расстояние более семисот морских лье².

¹ Фут — примерно 30,5 сантиметра.

² Лье — французская миля, равна 5557 метрам.

Пятнадцать дней спустя в двух тысячах лье от последнего пункта пароходы «Гельвеция», принадлежавший Национальной компании, и «Шанон» — паровой компании «Рояль-Мэйл», повстречавшись в той части Атлантического океана, которая отделяет Соединенные Штаты от Европы, указывали сигналами друг другу на чудовище, показавшееся под $42^{\circ} 15'$ северной широты и $60^{\circ} 35'$ западной долготы. При этом одновременно с противоположных пунктов рассчитали, что длина чудовища не менее трехсот пятидесяти английских футов, судя по тому, что и «Шанон», и «Гельвеция» казались меньше его, хотя каждый из них имел в длину сто метров. Надо заметить также, что самые огромные киты, посещающие Алеутские острова, Куламок и Умгулиль, никогда не превосходили пятидесяти шести метров в длину.

Эти сообщения, приходившие одно за другим, — новые наблюдения, произведенные с борта трансатлантического парохода «Пэрер», столкновение с чудовищем судна «Этна», совершавшего рейс в Инман, протокол, составленный офицерами французского фрегата «Нормандия», серьезные и обстоятельные наблюдения с борта «Лорд Кляда» командира Фитц-Джеймса, — сильно взволновали общественное мнение. В странах, легкомысленно настроенных, феномен вышучивался, но в странах серьезных и практических, таких как Англия, Америка и Германия, им были сильно заинтересованы.

Во многих больших городах чудовище стало модным. Его воспевали в кофейнях, над ним издевались в газетах и представляли в театрах. У газетных уток теперь была отличная возможность нести яйца всех цветов и оттенков. В журналах появились, как копии с натуры, все фантастические и гигантские существа, начиная с белого кита гиперборейских стран и заканчивая чудовищными осьминогами, могущими своими щупальцами опутать судно в пятьсот тонн и увлечь его в недра океана. Откопали даже протоколы древних времен, мнения Аристотеля и Плиния, поддерживающие существование таких чудовищ, опирались на норвежские отчеты епископа Понтоппидана, на описания Поля Геггеда и, наконец, на доне-

сения Харрингтона, правдивость которых не подлежала никакому сомнению, так как он утверждал, что лично видел с борта судна «Кастилан» в 1857 году огромного змея.

Тогда в ученых обществах и научных журналах возникла нескончаемая полемика между верующими и неверующими. Вопрос о чудовище воспламенил все умы. Журналисты с научным образованием в борьбе с журналистами, выезжающими на остроумии, пролили потоки чернил в эту достопамятную кампанию, а некоторые даже две или три капли крови, так как в вопросе о морском чудовище они видели себя лично оскорбленными.

Шесть месяцев длилась война с переменным успехом. На статьи, печатаемые Географическим бразильским институтом, Королевской берлинской академией наук, британским обществом Смитсоновского института в Вашингтоне, на научные отчеты журналов: «Индиан Аршипелаго», «Космоса» аббата Муаньо, «Миттейлунген» Петерманна, на научную хронику толстых французских и иностранных журналов мелкая пресса отвечала злыми насмешками. Эти остроумные писатели, пародируя Линнея, опирались на ту истину, что природа не делает скачков.

Наконец, в статье одного сатирического журнала, очень распространенного, любимый публикой автор, коснувшись всего этого, набросился на чудовище и нанес ему окончательный удар среди всеобщего хохота. Остроумие победило науку.

В продолжение первых месяцев 1867 года казалось, что вопрос был похоронен и не мог больше возродиться, как вдруг до сведения публики дошли новые факты. Теперь вопрос касался не только разрешения интересной научной задачи, но и реальной опасности, которую необходимо устранить. Вопрос принял другой оборот. Чудовище превратилось в островок, скалу, риф, но риф плавающий, непонятный и неуловимый.

5 марта 1867 года пароход общества Монреальской океанской компании под названием «Моравиа», находившийся ночью под 27° 30' широты и 72° 15' долготы, ударился сзади правым бортом о скалу, которая не была обозначена ни на од-

ной морской карте. Благодаря попутному ветру и своей машине в четыреста лошадиных сил пароход шел со скоростью тринадцать узлов. Никто не сомневался, что получивший пробоину «Моравия» только благодаря замечательной крепости своего корпуса мог держаться на воде, ибо в противном случае он пошел бы ко дну вместе со всеми ста тридцатью семью пассажирами, которых он вез из Канады.

Столкновение произошло на заре, около пяти часов утра. Офицеры, стоявшие на вахте, бросились к корме. Они ничего не увидели, кроме сильной струи, рассекавшей поверхность воды. На расстоянии трех кабельтовых местонахождение было определено точно, и он продолжал свой путь, не получив, по-видимому, повреждений. Никто не мог сказать, на что он наткнулся. Была ли то подводная скала или плавающие в океане огромные обломки разбитого судна — неизвестно. При осмотре в доке подводной части треть кили оказалась сломанной.

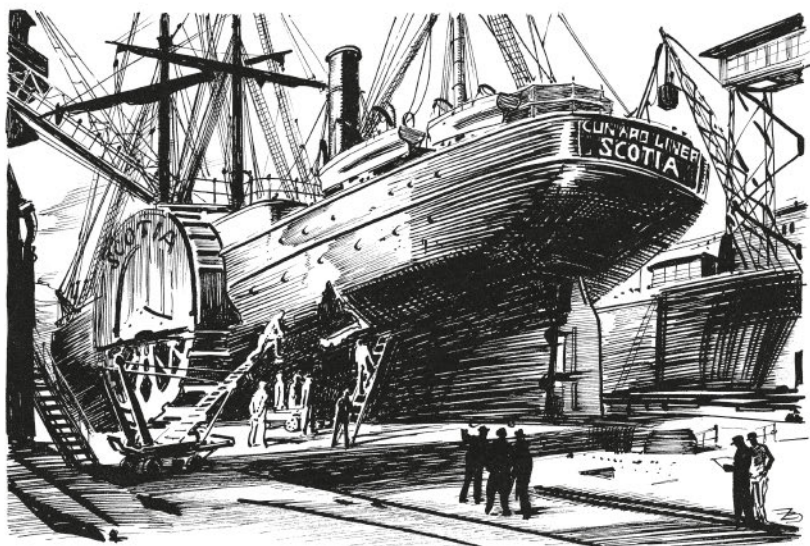
Этот случай, весьма важный сам по себе, быть может, был бы вскоре забыт, как и многие другие, если бы спустя три недели он не повторился при таких же условиях. Благодаря национальности судна, погибшего при этом столкновении, а также значению компании, которой оно принадлежало, событие это сделалось злобой дня.

Многим известно имя знаменитого судостроителя англичанина Кюнарда. В 1840 году он основал почтовое сообщение между Ливерпулем и Галифаксом, для чего предназначены были три парохода, каждый в четыреста лошадиных сил, и одна яхта в тысячу сто шестьдесят две тонны водоизмещением. Спустя восемь лет деятельность компании значительно расширилась: она построила еще четыре парохода — каждый в шестьсот пятьдесят лошадиных сил и в тысячу восемьсот тонн водоизмещением, а спустя два года — еще два парохода со значительно превосходящим тоннажем. В 1852 году компания Кюнарда, получившая старинную привилегию на доставку депеш, вновь построила на своих верфях огромные пароходы: «Аравия», «Китай», «Шотландия», «Ява» и «Россия».

Таким образом, в 1867 году компания располагала двенадцатью первоклассными пароходами, из которых восемь были колесные, а прочие четыре — винтовые.

Если я сообщаю эти подробности, то для того, чтобы каждый ознакомился со значением этой компании морского судоходства. Ни одно дело в трансатлантическом плавании не велось так умело, ни одно предприятие не сопровождалось таким выдающимся успехом. В течение двадцати шести лет пароходы Кюнарда две тысячи раз пересекли Атлантический океан и ни разу не опоздали в срочном отправлении и доставке пассажиров и товаров, ни разу не пропало ни одно письмо и не погиб ни один пассажир. И несмотря на сильную конкуренцию, английское трансокеаническое сообщение все-таки продолжало пользоваться предпочтением. Теперь станет совершенно понятным то сильное впечатление, которое вызвало странное происшествие с одним из лучших пароходов общества Кюнарда.

13 апреля 1867 года на море стояла прекрасная погода. Пароход «Шотландия» находился под 45° 37' широты

и 15° 12' долготы. Тысячесильный пароход шел со скоростью тринадцать узлов, при работе машины в шесть тысяч лошадиных сил, равномерно разбивая волны своими огромными колесами. Он сидел в воде на шесть метров семьдесят пять сантиметров, водоизмещение его равнялось шести тысячам шестистам двадцати четырем кубическим метрам.

В четыре часа семнадцать минут вечера пароход обо что-то ударился кормовой частью несколько позади левого колеса: в общем удар был малочувствителен.

Но, как оказалось, не «Шотландия» на что-то натолкнулась, а нечто натолкнулось на нее, и притом каким-то острым режущим орудием. Сам удар был настолько слаб, что никто на палубе не обратил на это внимания, пока не показались на ней матросы, кричавшие: «Идем ко дну! Идем ко дну!»

В первую минуту пассажиров охватил страх, но капитану Андерсону удалось их успокоить. И действительно, опасности не было никакой, так как «Шотландия» разделялась непроницаемыми перегородками на семь частей.

Капитан Андерсон, спустившись в трюм, обнаружил, что одна из этих частей залита водой. К счастью, здесь не было паровых котлов.

Капитан Андерсон приказал застопорить машину, и один из матросов нырнул, чтобы осмотреть пролом. Через несколько минут стало известно, что в подводной части корпуса парохода пробито отверстие шириной в два метра. Заделать пролом не представлялось возможности, но тем не менее «Шотландия» продолжала путь с колесами, погруженными до половины в воду. Во время столкновения она находилась на расстоянии трехсот миль от мыса Клэр и, опоздав на три дня, благополучно достигла Ливерпуля, жителей которого сильно встревожило это опоздание.

«Шотландия» была введена в сухой док, и инженеры приступили к осмотру ее подводной части. Они не верили своим глазам: на два с половиной метра ниже ватерлинии находилось отверстие в виде равнобедренного треугольника. Края пробоины железной обшивки имели ровный вид, словно они

были прорезаны резцом. Несомненным было, что пробоину образовало какое-то орудие, которое двигалось с необычайной силой; пробив листовое железо в четыре сантиметра, оно отошло назад, подчиняясь какому-то непонятному возвратному движению.

Вот те данные, которые раскрыл осмотр судна. Происшествие с «Шотландией» снова взволновало общественное мнение.

Фантастическому чудовищу пришлось принять на себя ответственность за все кораблекрушения, число которых, к сожалению, значительно. Из трех тысяч кораблей, о гибели которых ежегодно сообщается в «Бюро-Веритас», число кораблей и пароходов, которые пропадают без вести, достигает двухсот.

Таким образом, справедливо или несправедливо, но чудовище считалось причиной исчезновения всех этих судов; вследствие этого сообщения между различными континентами становились все более и более опасными, и публика предъявила категорическое требование, чтобы моря были очищены во что бы то ни стало от этого ужасного «кита».

Глава II

«ЗА» И «ПРОТИВ»

В разгар этих событий я возвращался из научной экспедиции, предпринятой с целью исследования Небраски в Соединенных Штатах. Я был командирован в эту экспедицию французским правительством как адъютант-профессор при Музее естественной истории в Париже. Пробыв шесть месяцев в Небраске, я с драгоценной коллекцией прибыл в Нью-Йорк в конце марта. Мой отъезд во Францию назначен был в первых числах мая. В ожидании этого времени, когда я занимался приведением в порядок моих минералогических, ботанических и зоологических богатств, неожиданно произошел инцидент с судном «Шотландия».

Я внимательно следил за всеми известиями об этом происшествии, читая и перечитывая все европейские и американские газеты. Однако разъяснение этого события ни на один шаг не продвигалось вперед. Таинственность сильно меня интриговала. Не имея достаточных данных, чтобы составить определенное мнение, я бросался из одной крайности в другую. Что кто-то или что-то существовало, в этом не могло быть сомнения, и неверующие могли вложить руки в пробоину «Шотландии».

Обсуждение этого вопроса было в полном разгаре до моего прибытия в Нью-Йорк. Гипотеза о плавучем острове или подвижной скале, поддерживаемая малокомпетентными лицами, была отброшена. И действительно, каким образом могла бы двигаться с такой поразительной скоростью скала, раз внутри ее не было машины?

Отвергнуто было также предположение о плавающем корпусе огромного разбитого корабля — опять-таки ввиду той же изумительной скорости движения.

Оставалось два предполагаемых решения вопроса, которые учитывали совершенно различные взгляды: одни стояли за чудовищное животное колоссальной мощи, другие — за подводное судно с огромной двигательной силой.

Однако последняя гипотеза, несмотря на всю ее вероятность, подрывалась некоторыми данными, добытыми розысками, предпринятыми в обоих полушариях. К тому же трудно было допустить, чтобы частное лицо могло создать себе таких огромных размеров механическое чудо. Где и как оно могло бы его построить и сохранить это в тайне?

Если кто и мог построить такую разрушительную машину, то только государство. Да, в это время, когда ум человеческий напрягал все усилия и способности для изобретения разрушительных орудий войны, возможно, что какое-либо государство достигло особых успехов в этом направлении и сохраняло их в тайне. После ружей Шасспо — торпеды; после торпед — подводные мины.

Появления еще более разрушительного орудия надо было ожидать. Но предположение о военной разрушительной машине отпадало вследствие заявления правительств, что подобных снарядов или машин в их распоряжении нет. Дело получило общественный интерес, и притом страдали тихоокеанические сообщения; приходилось доверять правительствам. Затем, трудно было допустить, чтобы постройка столь огромного судна могла укрыться от наблюдений. В подобных случаях и частному лицу трудно сохранить тайну, а за действиями государств ревниво следят державы-соперники.

И снова стала считаться наиболее вероятной идея о существовании морского чудовища.

Таким образом, после разведок, произведенных в Англии, Франции, Германии, России, Италии, даже в Турции, гипотеза о подводном «мониторе» была окончательно отброшена.

По моем возвращении в Нью-Йорк многие лица оказали мне честь, консультируясь со мной для объяснения этого интересного феномена. Во Франции мною был издан труд в двух томах *in quarto*¹, озаглавленный «Тайны морских глубин». Эта книга, благосклонно принятая ученым миром, создала мне репутацию специалиста в этой, пока весьма туманной, области естественной истории. Было спрошено мое мнение. Пока сам факт не был неопровержимо доказан, я его отрицал. Но вскоре был, что называется, прижат к стене и вынужден дать категорическое объяснение. И достопочтенный Пьер Аронакс, профессор Парижского музея, призван был газетой «Нью-Йорк геральд» высказать по этому вопросу свое мнение.

Пришлось подчиниться общественному требованию. Я заговорил потому, что нельзя было молчать. Я рассматривал вопрос со всех его сторон, как научных, так и политических, и привожу здесь заключение статьи, которую я поместил в номере упомянутой газеты от 30 апреля.

«Итак, — писал я, — рассмотрев последовательно все различные гипотезы, приходится по необходимости допустить существование морского животного, обладающего изумительным могуществом.

Наибольшие глубины океана нам совершенно неизвестны. Ни один лот никогда не достигал их дна. Что совершается в этих бесконечных пропастях? Какие существа живут в них и могут обитать на глубине двенадцати или пятнадцати миль? Какова организация этих животных? Все это вопросы, на которые нельзя ответить даже предположениями.

Поэтому решение проблемы должно принять форму дилеммы.

Или нам известны все виды животных, живущих на нашей планете, или же не все.

Если в рыбном царстве имеются некоторые виды, которые составляют для науки тайну, то весьма понятно, что мож-

¹ В четверть бумажного листа (*лат.*).

но допустить существование рыб или китообразных животных совершенно новых видов или даже родов, приспособленных для жизни в морских глубинах, недоступных для лота, и которых какой-либо случай, даже прихоть, заставляет появляться временами в верхних слоях и даже на поверхности океана.

Если же, напротив, нам известны все живущие виды, тогда необходимо отыскивать это животное в среде обитателей морей, уже помеченных в каталогах, — и в этом случае я склонен отнести его к нарвалам-гигантам.

Обыкновенный нарвал, иначе морской однозуб, достигает часто шестидесяти футов в длину. Увеличьте эти размеры в пять, даже в десять раз, дайте этому китообразному животному силу, пропорциональную его росту, усильте его средства к нападению — и вы получите искомое животное. Это пропорциональное увеличение не только возможно, но и подтверждается как факт: размеры — офицерами судна „Шанон“, орудие, необходимое для пролома борта и повреждения, — инцидентом с „Шотландией“.

И действительно, нарвал вооружен подобием алебарды, по выражению некоторых натуралистов. В сущности, это зуб, обладающий твердостью стали. Такие зубы находили воткнутыми в тело китов, которых нарвал с успехом атакует; такие же зубы приходилось с большим трудом вытаскивать из кораблей, которые они пронизывали насквозь, как бурав просверливает бочку. Музей парижского медицинского факультета обладает одним из таких зубов, длиною в два метра двадцать пять сантиметров и толщиной у основания в сорок восемь сантиметров.

Представьте себе орудие в десять раз большее, животное в десять раз могущественнее, не забудьте, что оно движется со скоростью двадцать миль в час, — и вы получите представление о силе удара, который всегда произведет катастрофу, подобную с „Шотландией“.

До получения более подробных исследований я склоняюсь к мнению, что это морской нарвал колоссальных раз-

меров, но снабженный не алебардой, а чем-то вроде острого тарана, какой встречается у броненосных фрегатов, на которые он походил и своей массой, и могуществом двигательной силы.

Такое объяснение может быть дано этому загадочному феномену».

Последние слова были написаны неспроста: я хотел до известной степени охранить мое достоинство как профессора и, чтобы не давать американцам повода смеяться, заручился лазейкой, хотя, в сущности, верил в существование чудовища.

Моя статья горячо обсуждалась и получила весьма широкую известность. Очень многие согласились с моими взглядами. Предлагаемое решение предоставляло полный простор воображению. Человеческий ум склонен к созданию грандиозных сверхъестественных существ. Море представляет собой подходящую среду для рождения и развития таких гигантов, перед которыми земные животные вроде слона или носорога — карлики. В водах обитают самые крупные представители класса млекопитающих, а быть может, и колоссальных размеров моллюски, ужасающего вида ракообразные, как, например, омары в сто метров длиной или крабы в двести тонн весом. Почему нет? Одно время современные геологическим периодам земные животные: четвероногие, четверорукие, пресмыкающиеся, птицы — были сделаны по моделям огромной величины. Создатель дал им гигантские формы, которые время мало-помалу уменьшало. Почему море в своих неизведанных глубинах не могло сохранить эти памятники жизни прошедшего времени, тогда как условия земного существования постоянно видоизменялись? Почему оно не могло сохранить в своих недрах последних представителей этих титанических видов, года которых считаются веками, а века — тысячелетиями?

Но если одни усматривали в этом проблему чисто научного интереса, то другие — позитивисты и по преимуществу американцы и англичане — желали во что бы то ни стало очис-

тить океан от такого чудовища и обезопасить трансокеанические сообщения. Промышленные и торговые журналы трактовали вопрос с этой точки зрения. «Шиппинг энд меркэнтайл газет», «Ллойд», «Пакетбот» и «Ревю-маритим-колониаль» — все листки, субсидируемые страховыми обществами, поддерживали это требование и грозили увеличить страховую премию.

Общественное мнение вскоре высказалось, и первыми отозвались американцы. В Нью-Йорке стали снаряжать экспедицию для преследования нарвала. Броненосный фрегат «Авраам Линкольн», снабженный тараном и отличавшийся скоростью хода, должен был выйти в самом непродолжительном времени в море. Арсеналы были открыты для капитана Фаррагута, который энергично приступил к вооружению фрегата.

Но когда решено было отправиться преследовать чудовище, оно, как это часто бывает, более не показывалось. В течение двух месяцев о нем ничего не было слышно. Ни одно судно нигде его не встречало. Казалось, что оно проведало о состоявшемся против него заговоре. Так много о нем говорили. Шутники рассказывали, что этот тайный плут перехватил одну из телеграмм, которая сильно его напугала.

И вот, когда фрегат был уже снаряжен для далекой кампании и снабжен гигантскими рыболовными снастями, никто не знал, куда его отправить. Нетерпение росло, как вдруг 2 июля получено было известие, что судно «Тампико», совершавшее рейсы между Сан-Франциско в Калифорнии и Шанхаем, встретило три недели назад чудовище в северных морях Тихого океана.

Это известие вызвало сильную сенсацию. Менее чем за двадцать четыре часа капитан Фаррагут должен был выйти в море. Фрегат был снабжен всеми жизненными продуктами, камеры переполнены каменным углем, экипаж находился в полном составе налицо. Оставалось только затопить печи, развести пары и отчалить. Капитану Фаррагуту не простили бы и полдня, если бы он почему-либо задержал выход судна;